

Юлия Кургузкина
Олег Русских

*Ты за моим
правым*

**Юлия Кургузкина
Олег Русских
Ты за моим правым**

*http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26338741
ISBN 9785448574993*

Аннотация

Что за обложкой этой книги? История любви и верности, дружбы и предательства? Воспоминания о прошлом? Взгляд в будущее? Желание мира и счастья? Хроники военных конфликтов, утрат и потерь? Сказки, фантастика или реальность? Здесь может быть всё из вышеперечисленного и ещё кое-что... И точно есть то, что окажется близким именно Вам. Открывайте...

Содержание

Юлия Кургузкина	5
Марк	7
Стоит того, чтобы ждать	19
Пропавшие без вести	22
Окно с западной стороны чердака	28
Rx 360	32
Посылка от Уильяма	39
Ждун	47
Впредь	49
Обнимающие деревья	51
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Ты за моим правым

Юлия Кургузкина Олег Русских

Редактор Елена Вайберт

Фотограф Тимур Кудеринов

© Юлия Кургузкина, 2017

© Олег Русских, 2017

© Тимур Кудеринов, фотографии, 2017

ISBN 978-5-4485-7499-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Юлия Кургузкина

Марк

Марк проснулся от тихого непрерывного свиста. Огляделся.

Безоблачное небо розоватого оттенка и сухая, в мелких трещинах пустыня, светящаяся полупрозрачным голубым неоном.

«Где это я? Надо встать и осмотреть местность», – взгляд Марка скользнул вдоль собственного тела – и в следующую секунду пустынную местность оглушил крик. У Марка не было ног и рук. Его привычное тело исчезло, будто какой-нибудь злой маг подшутил над ним, превратив в светящийся белый шар.

– Э-эй! – крикнул он так, как кричат заблудившиеся в лесу. – Есть здесь кто-нибудь?

Едва слышно посвистывает ветер, тихим дыханием подрагивает почва.

«Так. Собраться. Что я употреблял накануне? Ничего галлюциногенного не было. Тогда почему я колобок? Зато теперь я наконец-то белый и пушистый. Может, я умер? Что-то здесь слишком безлюдно как для ада, так и для рая. Что там ещё остаётся? Промежуточный перевал? Тогда где апостолы или те, кто кого там куда должен распределять? Так... глубокий вдох и успокоить разум. Кстати, я дышу? Как-то непонятно. Остаётся главный вопрос: как встать, если у ме-

ня нет ног? И лап. Хорошо, хоть щупалец нет. Чего уж там, у меня и лица, наверно, тоже нет. Чем же я вижу?»

Розовое небо. Неизвестное красное светило, намного меньше Земного солнца. Воздух не холодный, но и жары не чувствуется.

«Может, я ничего не чувствую потому, что у меня вместо тела шар непонятного происхождения? Хм, меньше всего мне бы хотелось сейчас попасться какому-нибудь земному учёному – замучают в лабораториях! Вообще, есть здесь кто-нибудь, кроме меня? Хоть бы кто живой появился. Накануне мечтал, чтобы все оставили меня в покое. Домечтался. Даже привычную землю из-под ног отобрали. И ноги заодно».

На горизонте возникла белая сфера, точно такая же, как Марк.

– Эй! – крикнул Марк. – Вы меня слышите?

Сфера висела в воздухе и не откликнулась.

Марк крикнул громче, и сфера, имея она слух, несомненно, услышала бы его:

– Эй! Я здесь! Помогите!

Марка охватила паника: «Если сейчас этот шар исчезнет, я останусь здесь один, а я не могу даже пошевелиться!»

Марк снова позвал на помощь. Ему не хотелось оставаться здесь, неизвестно где валяющимся светящимся шаром. Ему хотелось, чтобы его слышали, чтобы объяснили, что происходит.

Сфера качнулась – и в следующую секунду оказалась пря-

мо перед Марком. Существо изучало его.

«Сейчас он либо поможет мне, либо уничтожит. Хотел бы я разобраться, что к чему, прежде чем меня сожрёт этот колобок».

– Колобок, – повторила сфера голосом Марка и рассмеялась.

– Ты слышишь меня? Понимаешь мой язык?

– Ты же хотел, чтобы тебя услышали, – его же голосом ответило существо.

Сотни вопросов одновременно возникли у Марка и он не знал, какой задать первым.

– Тихо! Тихо! – заметалась сфера. – Давай ты сначала разделишь мысли на те, которые хочешь высказать вслух и те, которые оставишь при себе. А то я с ума сойду!

– Я не знаю, как это сделать, – то ли подумал, то ли вслух сказал Марк.

– По-же-лай, – по слогам произнесла сфера и завибрировала. Через несколько секунд на её месте возникла стройная девушка.

«Красивая».

Девушка улыбнулась:

– Спасибо, – теперь голос был женский и приятный на слух. – Значит, ты хочешь, чтобы я слышала все твои похабные мысли?

«Почему сразу похабные?» – автоматически подумал Марк.

Девушка села рядом. Взгляд её устремился в даль пустынного горизонта.

В тишине еле слышно посвистывает ветер, слегка подрагивает, будто бы дышит, незнакомая планета.

«Как этот шар превратился в эту милашку? Бред какой-то... Пожелай. Что значит „пожелай“? Пожелай – и сбудется, так, что ли? Она всё ещё читает мои мысли? Какое право она имеет читать мои мысли? – Марк начинал злиться. – Это преступление, это посягательство на личную свободу. Лежу тут на земле, непонятно что собой представляю, так ещё и мысли мои внаглую читают! Я человек, в конце концов, и имею право на сокровенные мысли! Прекрати их читать!»

– Слава Богу, – девушка картинно возвела руки к небу. – Ты замолчал!

Некоторое время Марк не произносил ни слова. Ему нужно было собрать свои мысли, рассыпавшиеся по сферическому телу. Потом спросил:

– Скажи, как мне передвигаться?

Вопрос почему-то рассмешил девушку.

– Где ты хочешь оказаться? В пределах этой местности, для начала.

– Да хоть где! Я хочу хотя бы понять, как мне сдвинуться с места.

– Как объяснить... Для того, чтобы переместиться в желаемую точку пространства, за неё нужно зацепиться взгля-

дом. Выбери место и пожелай там оказаться.

– Допустим. Хочу оказаться там, – Марк метнул взгляд куда-то за горизонт.

Ничего не произошло. Светящийся шар по имени Марк продолжал лежать на «земле».

– Ты должен захотеть так, чтобы все остальные мысли исчезли. Это должно стать для тебя вопросом жизни и смерти, – девушка начала рассказ об особенностях пустыни, в которой оказался Марк. Казалось, за простотой обыденного взгляда глаза её хранили забытые знания древних народов. Речь её звучала магической музыкой шаманов, от которой душа успокаивалась, наполнялась космической благодатью.

«Сколько мужчин одарила она нежностью?» – подумал Марк. Память вытащила на свет глупые мечты о прекрасной незнакомке, которые вначале оставались просто фантазиями, а вскоре и вовсе растворились в калейдоскопе сменяющихся лиц одноночных спутниц. Марк влюблялся много раз, и неизменно с течением времени вся его симпатия утекала невидимыми ручейками в забытое прошлое... Неожиданно стало жаль свою жизнь, растраченную впустую, своё неизвестно куда девшееся земное тело.

«Не так уж оно было изношено, в нём вполне ещё можно было жить. И потом, будь у меня хотя бы прежнее тело, я мог бы, наконец, встать, потянуться и...»

– ...потому что желания здесь исполняются быстрее, чем на Земле, – продолжала рассказывать девушка. – Од-

ни, воодушевлённые новыми возможностями, возвращаются на Землю. Каждый из них думает: «Уж теперь-то я проживу жизнь, как надо, уж теперь-то я знаю, как всё устроено!» Хотя все знают, что при возвращении эти знания сотрутся из памяти. Другие отправляются в другие миры, на поиски другой жизни.

– Почему ты здесь? – спросил Марк и с удивлением обнаружил, что стоит теперь на обеих своих ногах в полный рост. Приятно было иметь возможность снова шевелить руками, что он сразу же и сделал.

Склонив голову набок, девушка разглядывала Марка.

– Я ещё не решила, чего хочу.

В пустоте горизонта раздался мужской голос:

– Лика!

Секунду спустя он нараспев повторил:

– Ли-и-ка-а!

В следующую секунду посреди пустыни появился мужчина. Своим видом он напоминал средневекового воина, готового уничтожить каждого, кто обронит неосторожное слово.

– Защищайся, подлец! – бросил незнакомец и вынул из-за широкого пояса шпагу. Сделав несколько быстрых выпадов, захватил Марка в заложники. Холодная сталь его шпаги обещала моментальное переселение в мир иной.

Марк взглянул на девушку. Она ничуть не выглядит испуганной.

– Давид, – обратилась она улыбочиво-укоризненно, как

к разыгравшемуся ребёнку, – не наигрался ещё?

– Нет, – расплылся мужчина в довольной улыбке. Хватка за спиной Марка ослабла, и незнакомец исчез.

– Это Давид, – объяснила Лика, – он уже давно развлекается здесь тем, что примеряет на себя разные образы.

Через несколько секунд мужчина появился снова, теперь в более мирном облике обычного прохожего.

– Помнишь, – с довольной улыбкой спросил он девушку, – как я испугал тебя, будучи гигантским тараканом?

– Мне нужно было стать гигантской тапочкой и пригвоздить тебя к гигантскому полу.

Лика неспешно пошла по пустыне. Под её ногами появился песчаный пляж, неподалёку зашумело море. Девушка вошла в бунгало из бамбука, где уже сидел Давид в аляповатой рубашке и попивал экзотический коктейль. Всё это появилось внезапно из ниоткуда, что обескуражило Марка.

– Марк, – позвала Лика, – иди сюда, ты чего там зависишь?

Марк взгляделся в невысокий диванчик в углу бунгало – и секунду спустя оказался там.

– Давид, – протянул руку мужчина.

– Марк, – ответил на рукопожатие и отшатнулся – вместо Давида к нему тянула щупальце огромная каракатица.

Давид снова принял человеческий облик и от души рассмеялся:

– Парень, у тебя такой серьёзный вид! На вот, – он протянул Марку стакан, наполненный радужным коктейлем, –

выпей!

Марк сделал первый глоток. Безвкусная вода.

– Как коктейльчик? – осведомился Давид.

– Не чувствую вкуса.

– Жаль. Напиток отменный!

Марк допил «отменный» безвкусный напиток.

– Получается, – обратился он к Давиду, – здесь можно создать всё, что угодно?

– Если предмет не обладает высокой осознанностью, то да. Только... Это же всё иллюзия! «Галлюцинация», как сказали бы земные учёные.

Давид придвинулся к Марку и, понизив голос, раскрыл великую тайну:

– Могу, исключительно по знакомству, воссоздать тебе подружку. Резиновую!

– Нет уж, спасибо.

– А что так? Зато никакой болтовни о новых сумочках!

– Попробуй что-нибудь воссоздать, – предложила Лика.

Она отставила коктейль в сторону, и подперев ладошкой подбородок, смотрела на Марка. Так открыто смотрят в лица взрослых дети, им ещё всё равно, что подумают о них окружающие.

Марк окинул взглядом розоватый горизонт. Вот она, возможность создать всё, что угодно. Что нарисовать первым? То, что считается престижным? Марк закрыл глаза и открыл их снова.

Появился автомобиль. Комфортабельный Maybach зеркалит пустынную местность в лучах неизвестной звезды.

Марк повернул ключ в замке зажигания, мотор заурчал, словно довольный кот, пригревшийся на солнышке. Автомобиль готов сорваться с места и умчаться в счастливую даль, оставляя за собой клубы пыли незнакомой планеты. Марк нажал на газ, авто взревело – и осталось стоять на месте. Maybach находился на другой планете и земным законам физики не подчинялся.

«Перемещаемся с помощью взгляда?» – вспомнил Марк.

Он всматривался в розоватую линию горизонта. Дальше, за пределы этой пустыни. Ещё дальше. Насколько далеко можно переместиться? И далеко – это сколько в милях или в чём здесь измеряется расстояние?

Автомобиль перемещался молниеносно. Из-за не меняющегося за окном пейзажа казалось, что он не двигается с места. Может, действительно, не двигается? Марк взглянул в зеркало заднего вида.

Необозримая пустыня, ни растения, ни души. Лика и Давид остались где-то далеко, и Марк не имел представления, где теперь их искать.

«Галлюцинация. – вспомнились слова Давида, – Что если они были всего лишь галлюцинацией? Не было ни Лики, ни Давида с его бунгало и коктейлем у призрачного моря. А Maybach? Он всё ещё здесь. Я всё ещё сижу за рулём».

Тихая пустыня на неизвестной планете. Посвистывает ве-

тер, совершает плавные вдохи и выдохи светящаяся бледно-голубоватым неоном «земля».

«Идиот! – Марк с досады ударил по рулю. – Променял людей на кусок железа, который даже ехать не может!»

Он вышел из авто и пнул по колесу. Автомобиль взвыл сигнализацией.

«Я могу воссоздать любую вещь! Только на кой сдался мне весь этот хлам?»

Марк думал о своей жизни, прежних увлечениях, детских мечтах. Вспомнил свою первую любовь, друзей и тех, кто был близок ему в прошлом. Вспомнил забавную песенку, которую выучил в четвёртом классе. Подумал о том, что с тех пор, как попал сюда, не чувствовал голода или жажды. Небесное светило ни разу не изменило своего положения относительно линии горизонта. Время здесь идёт иначе либо не идёт вообще.

«Сколько я уже сижу здесь, слушаю сигнализацию? Что будет, когда сядет аккумулятор, и он заткнётся? А, ну да, придумаю новый...»

Марк позвал куда-то вдаль:

– Лика!

– Лика, – эхом пропел ветер.

Где-то вдалеке маленькой фигуркой замаячил человек.

– Эй! Я здесь! – крикнул Марк, замахал руками.

– Я знаю, – теперь человек стоял в нескольких шагах от Марка. Это был Давид. – Нужно убрать авто.

– Как это сделать?

– Представь, что он уже исчез. Забудь, что когда-то здесь был этот блестящий красавец. Посмотри как бы сквозь него, так, будто на этом месте всегда была только пустыня.

Марк сконцентрировал внимание. Сигнализация, словно зажёванная плёнка магнитофона, загудела медленней и вскоре исчезла вместе с автомобилем.

– Хорошо, что ты сам его убрал, – хлопнул по плечу Давид. – Иначе мне бы снова пришлось потеть тут, убирая фантазии глупых туристов. А вообще, знаешь, что я тебе скажу? – он задумчиво посмотрел вдаль. – Никакая иллюзия не заменит земных ощущений. Вот был у тебя Maybach – и что? Сумел ты насладиться тем ощущением, когда мчишься в нём по пустынной трассе, а мимо проносится весь мир?

Марк отрицательно покачал головой.

– Вот. И здесь со всем так, понимаешь? Ешь, а насыщения не чувствуешь. Плаваешь в море, а выходишь на берег сухим, – Давид помолчал, рассуждая о чём-то своём, потом раскинул руки для объятия. – Ну, давай прощаться!

– Подожди, а Лика? Позволь хотя бы попрощаться с ней.

– Ты скоро встретишься с ней, – засмеялся Давид.

Планета, будто гигантский организм, теперь окончательно проснулась и зевнула. Землетрясение сбilo с ног. Пустыня замерцала, будто плохая голограмма.

Прозвенел будильник.

Спутанные во сне мысли хаотично кружились в голове.

«Что мне снилось? Что-то приятное. Не помню. И ещё мешала сигнализация. Наверно, с улицы... У меня сегодня свидание. Лика. На фото симпатичная».

Марк приподнялся на кровати и посмотрел в окно. Светило солнце, день обещал быть тёплым.

Стоит того, чтобы ждать

Мы летели к далёким звёздам мимо Земли. Туда, где не было человеческих страданий. Туда, где было безграничное счастье.

– Смотри, какая красивая планета! – я спустилась посмотреть поближе. Я отстала от тебя.

На планете жили милые существа. Всякий раз, пролетая мимо, мне хотелось разглядеть их, и в этот раз я не удержалась. Но мне нужно было сказать тебе об этом раньше...

Когда я вернулась и огляделась, тебя не было. Я поспешила к звезде, на которую мы направлялись. Но тебя там не было.

– Как не было? – не поняла я.

– Он на Земле, – сказали мне и сочувственно отвели взгляд.

– Как на Земле? За что? – вырвалось у меня. – Мы никого не заставляли страдать, за что на Землю?

– Посмотри сама, – мне указали на новорожденного младенца, которым теперь был ты.

– Мне нужно тело! – сказала я.

– Свободных нет. И, между прочим, вам здесь быть не положено. Отправляйтесь в свой рай и забудьте о Земле, как о страшном сне.

– Но он там!

– Он погорячился, оскорбил кое-кого. Я не знаю подробностей. Слушайте, летите дальше, подождите его там, срок отбывания на Земле не так долог, вы же знаете...

– Мне нужно тело, – повторяла я, не слушая отговорки.

– Нет у меня свободных тел, говорю же вам. Это вы вне очереди, это у вас не получится...

– Когда будет свободное тело?

– Через два века. Знаете, сколько у нас приговорённых!

Мне надоело разговаривать с этим упрямым.

Тем временем на Земле тикали часы. Я наблюдала, как души в качестве наказания рождаются на Земле.

Смотрела, как ты учишься ходить и как ты впервые разбил коленку. А вот ты пошёл в школу...

Я не могла больше ждать. Подкараулив момент, оттолкнув очередного приговорённого, я заняла место.

Появился встревоженный несговорчивый:

– Что вы делаете? Вон отсюда!

Я отказалась. Несговорчивый попытался меня образумить:

– Вы не найдёте себя в этом мире, вам будет казаться, что живёте не своей жизнью. И вы не будете счастливы, пока не встретите его. Никто не обещает вам, что вы встретитесь. Вы всё забудете, вы не узнаете его.

– Я знаю. Но я попробую.

Новорожденное тело, лишившись души, которая заслуженно должна была отбывать свой срок, находилось в «тяжё-

лом состоянии» как выразались медики. Мы наблюдали, как врачи пытаются реанимировать младенца, и только несговорчивый знал наверняка, удастся им это или нет.

– Извините..., – к несговорчивому обратился приговорённый, у которого я перехватила тело.

– Подождите, – сказал ему несговорчивый, отчего приговорённый просиял:

– С радостью! Я могу идти? – он поспешил покинуть малоприятную планету.

– Подождите, – повторил несговорчивый.

Я упрямо твердила:

– Я нужна ему, ему будет легче, если я буду рядом.

Мы наблюдали, как продолжают реанимировать новорожденного. Это не могло продолжаться долго, нужно было решать.

– Идите! – махнул на меня рукой несговорчивый. – Обрекаете себя незаслуженно. Но я вас понимаю. Желаю вам удачи. Надеюсь, у вас получится его отыскать. А впрочем, вы не вспомните.

Я заметила, как обрадовался освобождённый приговорённый. Он обнял несговорчивого и улетел, сияя от счастья. В следующий миг я всё забыла. Моё новорожденное тело реанимировали.

Пропавшие без вести

Автобус мчался по привычному маршруту. Гудел и сотрясался от собственного дыхания, будто механический кит на колёсах.

Она рассматривала пассажиров. Такие механические лица, что казались нарисованными, смотрели сквозь мутные окна. Она привыкла к их взглядам – усталым и измученным, взрослым и детским, неизменно смотрящим мимо неё. Она свыклась с образом тени, до которой окружающим нет никакого дела.

Вдруг кто-то ей улыбнулся. Некоторое время она изумлённо разглядывала незнакомца. Она знала, что стоит у самой стены и за её спиной больше никого нет. Этот парень определённо улыбается ей.

– Простите, – тихо спросила она, – вы улыбаетесь... мне?
– Вы видите здесь кого-то ещё?

Она обвела взглядом окружающие спины, локти, затылки, лица.

– Да, я вижу их всех.

– А они вас?

– Вы действительно меня видите, – выдохнула она.

– По-вашему, я разговариваю сам с собой?

Она смущённо улыбнулась. Он продолжил:

– Вы не сильно спешите? Насколько я знаю, у невидимок

не так уж много дел. Я, например, собирался навестить своих родственников, но раз уж мы встретились, может быть, мы могли бы...

– Может быть...

Пройдя сквозь стену автобуса, они направились к близлежащему жилому массиву.

– Чашечку кофе не обещаю, с учётом сложившихся обстоятельств, но приятного собеседника собственной персоной предоставить могу. Если вы не против, конечно. А мы уже почти пришли, нам сюда.

Пройдя сквозь стену подъезда, оказались в прихожей чьей-то квартиры.

– Бу! – заявил он с порога, чем снова вызвал её милую улыбку.

В квартире никого не было.

– Отлично! Эта квартира в нашем распоряжении, часов до 19.00, я думаю.

Он пересёк дверной проём и плюхнулся на диван. Помедлив, она присела рядом:

– Давно вы разгуливаете по чужим домам?

– А вы что, никогда этого не делали? Бросьте, мы можем проходить сквозь стены, с некоторыми усилиями, но можем передвигать предметы, и нас не видят окружающие. Почему бы не воспользоваться этими способностями?

– Мне казалось это как-то неэтично.

– Ну, будь мы прежними, видимыми людьми, врваться

в чужие дома было бы неэтично, за это можно и в лицо получить – это при самом удачном раскладе. А так, раз уж нас выбросило из мира людей и не добросило, куда там нам следовало бы, я не считаю это преступлением. Мы просто гуляем и просто зашли отдохнуть. И если вы не планируете бросаться в меня предметами в этом доме, думаю, хозяевам и в голову не придёт, что кто-то был здесь в их отсутствие... Расскажите, как вы поняли, что вас не видят окружающие?

– Ну, я однажды исчезла. Я не помню, чтобы умирала. Я просто проснулась невидимкой. Я видела свою семью, а они меня – нет. Видела, как убивается мама и страдает младшая сестрёнка. Я никак не могла понять, что происходит. Я кричала им, что я здесь! Разбивала тарелки, хлопала дверцами шкафов и входными дверями, чтобы меня услышали. Знаете, что они сделали? Они позвали священника, чтобы изгнать полтергейста.

Он усмехнулся.

– Я проснулся после вечеринки у друзей. Считал, что они разыгрывают меня. Первое время жил у родителей, но я не мог больше смотреть на их слёзы. Они заочно меня похоронили, но смириться с моим исчезновением не могут до сих пор. Они перестали жить, понимаете? Потом я переехал к своему деду. Он умирал, и я надеялся, что когда он оставит своё тело, то увидит меня. Но нет. Он пошёл по какой-то другой траектории, мы не пересеклись. Я видел только его остывающее тело и больше ничего.

– Вы видели других существ? – спросила она после некоторой паузы.

– Я встречал гномов. Странные существа. Некоторые полны такой ненависти, что непонятно, как они ещё не умерли от своего яда, другие вполне доброжелательные, некоторые искренне радуются миру. В общем, они почти как люди.

В комнату вплыло чёрное существо, похожее на огромную, заросшую шерстью собаку. Морду закрывала длинная шерсть, отчего невозможно было определить, бешеный это зверь или миролюбивый.

– Т-с-с, замрите, – прошептал он, – не двигайтесь. Закройте глаза и представьте, что оно не желает вам зла, что оно доброе.

Она закрыла глаза и открыла их снова. Чёрный монстр ластился у ног, будто домашний котик.

– Кто это? – спросила она.

– Я и сам не знаю, как оно зовётся. Что я знаю – так это то, что существо это может быть как убийцей, так и другом. То есть, если бы ваш страх пересилил разум в первые секунды, он превратился бы в свирепого монстра. И его клыки разорвали бы вас на кусочки, а потом оно беззаботно пошло бы дальше.

– С чего вы это взяли?

– Я видел, как эти твари божии поступили с гномами. Я гулял тогда в поле и увидел, как они напали на гномов. Нескольких они загрызли, а других не то что не тронули,

но прониклись к ним симпатией. Долгое время я боялся встретиться с этими чёрными монстрами вблизи, пока однажды не понял, в чём секрет.

Он обратился к существу:

– Ну, всё-всё, иди.

Существо вскинуло голову.

– Иди, – повторил он, – гуляй.

Существо поплыло в сторону двери.

– Оно понимает, что вы ему говорите?

– Думаю, они, скорее всего, считывают намерения или что-то в этом роде. В общем-то, они безвредные. Пока их таковыми считаешь.

Они проводили взглядом существо, которое растворилось, появившись теперь в каком-то другом месте.

– Так о чём мы говорили? О гномах и людях, – ответил он сам на свой вопрос. – Люди ассоциируют себя со своим телом, они думают: «Моё тело здесь, значит, я существую». За отображением в зеркале они забыли, кем являются. Сейчас, когда у вас нет тела, когда для мира вы не существуете, кто вы?

– М-м-м... может быть, привидение?

Прежде чем он успел ответить, его перебил капризный детский крик за входной дверью:

– Мама, купи-и!

В замке завертелся ключ. В прихожую вошла женщина с ребёнком.

– Успокойся! – женщина одёрнула мальчика за руку, отчего встряхнулось всё его тело.

Уловив грозный тон, мальчик перестал кричать, скинул башмаки и забежал в гостиную. Запрыгнул на диван и включил телевизор.

– Иван! – строго окликнула женщина. – Быстро мыть руки!

Мальчик состроил рожицу, потом медленно сполз с дивана и, изображая зомби, пошёл в ванную.

– Может быть... – начала она.

– Переместимся в другое место? – угадал он.

Они прошли сквозь окно и шагнули в поток толпы городских переулков. Одни из тысячи прохожих. Не существующие для мира, но по-прежнему живущие в нём. Пропавшие без вести.

Окно с западной стороны чердака

зарисовка в продолжение рассказа

Рэя Брэдбери «Запах сарсапарели»

Кора села на ступеньку приставной лестницы, ведущей на чердак, закрыла лицо ладонями. Тонкие седые прядки волос подрагивали от еле слышного всхлипывания:

– Ну как же так? Ну, не может человек взять и исчезнуть просто так! Не может!

Первое время Кора была взбешена поступком мужа. Шутка ли: сбежать от собственной жены в призрачные воспоминания! Ей даже не приходило в голову, что Уильям совершил невозможное, что-то такое, чего другие повторить не смогут. Не может и сама Кора.

Она взглянула наверх, туда, где забавлялось с людьми Время. Никто не расхаживал, обдумывая новую глупую идею, не перебирал безделушки, не посмеивался, найдя что-то особенное. На чердаке было тихо и пусто.

– Стыдно признаться, жизнь прошла, и вспомнить-то нечего! Ну, были же какие-то радости? – спросила она саму себя и пожала плечами.

Проблемы и тяжёлые времена Кора помнила хорошо, но что-то весёлое и радостное слишком быстро выветривалось из памяти. При воспоминании о лете, на ум приходили

дождливые дни, когда хотелось солнца. А память о солнечных днях всплывала картиной изнуряющей жары. В прохладе снова хотелось чего-то другого, не того, что было. В этом и была вся миссис Финч. А Уильям... Кора улыбнулась. Ей вспомнились сияющие глаза мужа, его протянутая ладонь из глубин чердака, зовущая в прошедшие счастливые деньки...

Спустя полминуты улыбка на её лице растворилась, Кора снова нахмурилась. Уильям вечно витал где-то в своих иллюзиях! Когда другие мужья вечерами листали газету или дремали под звуки какого-нибудь телешоу, мистер Финч пропадал в своём кабинете, изобретая очередную штуковину. Коре постоянно приходилось возвращать мужа на грешную землю, иначе он обязательно вляпается в какую-нибудь историю!

– Может, не нужно было так самоотверженно заботиться о нём? Может, нужно было позволять ему вести себя по-дурачки, как он любил это делать? Может, тогда не сбежал бы он от меня в своё прошлое? Он был таким счастливым в тот день! И звал меня. А я не верила, не слышала его.

Кора вытерла слёзы подолом фартука. Снова взглянула вверх, в чердачный проём. Всё-таки решилась подняться на чердак.

Ступила на чердачный пол, и половицы тут же отозвались поскрипыванием, приветствуя её. Кора оглядела стены, бесчисленное количество старых вещей, паутину в углах, окно –

и не увидела ничего, кроме пыли. Но Уильям видел что-то ещё. Каким-то образом он сумел запустить эту машину времени, что-то послужило ему кнопкой запуска?

Кора рассматривала фоторамки и подсвечники, сундуки, набитые непонятно чем, и книжные полки, стоявшие на полу с забытыми на них книгами. Сама не заметив как, вытянула одну из пыльного строя, перевернула несколько пожелтевших страниц. Она положила было книгу обратно, как из глубины страниц на пол выпорхнула открытка. Пожелтевшая, как и книжные страницы, с поблекшим изображением белых лилий на голубом фоне.

Кора подняла весточку от самого прошлого, села на краешек сундука и стала разглядывать. Перед глазами поплыли диафильмы того вечера, когда молодой парень по имени Уильям, краснея и смущаясь, преподнёс юной девушке Коре собственноручно собранный букет полевых цветов, а в нём простенькую открытку с изображением белоснежных лилий. Вот она, выпускница колледжа, целует молодого Уильяма в щёку и с замиранием сердца читает пожелание.

– Уильям, – ахнула Кора, и на глазах снова проступили слёзы.

Откуда-то со стороны окна раздался голос Уильяма:

– Кора!

Она бросилась к окну, опрокидывая коробки, мешающие под ногами и стеклянные банки.

За пыльным стеклом чердачного окна, на зелёной лужайке

стоял Уильям Финч и махал рукой.

– Уильям! – Кора распахнула окно – и в морщинистое лицо ударил холодный порыв январского ветра. Образ Уильяма растаял.

Кора затворила окно. За ним снова был январь.

Быстро, насколько могла, Кора спустилась в промёрзший дом. Метнулась из одной комнаты в другую, будто опаздывает на поезд и никак не может найти нужную вещь. Открывая шкафчики и вытряхивая содержимое письменного стола, будто отыскивая билет на самый важный рейс. Билет в один конец, и она больше не выбросит его в чердачный проём.

– Вот он! – Кора бережно провела ладонью по обложке старого фотоальбома. Прижимая его к себе, поднялась на чердак.

Когда ноги её коснулись чердачного пола, она вытащила лестницу из проёма и прикрыла люк. Она больше не собирается возвращаться в промёрзший одинокий дом. Она вспомнит весенние солнечные деньки, когда солнышко приятно греет лицо; порции мороженого в креманке, пахнущие ванилью и посыпанные шоколадной стружкой, и много-много приятного. Теперь она рискнёт оставить холодные будни ради тёплого летнего праздника с фейерверками и хлопушками конфетти... Теперь у неё появился ключ от волшебного окна, которое казалось ей обыденным.

Rx 360

На рыхлые сугробы опускается пушистый снег. Зима кутает деревья в пуховые одеяла, надевает на веточки белые перчатки. Под заснеженными крышами города тёплым светом выделяется окно. Снежинки слетаются на подоконник, сквозь холодное стекло заглядывают вглубь комнаты.

В комнате у окна стоит маленький мальчик, одетый в пижаму синего цвета с жёлтыми звёздами. Ясные глаза всматриваются в темноту зимнего вечера. Он разглядывает снежинки, прилипшие к стеклу, и воображает, будто это маленькие мохнатые существа прилетели из неизвестной галактики, чтобы посмотреть, как живут люди.

В глубине комнаты пожилой мужчина разжигает камин. На когда-то тёмных волосах белеют пряди цвета уличного снега. Мягкая улыбка, готовая простить все шалости мальчику. Узловатые пальцы рук, способные соорудить и починить что угодно. Тёплый взгляд, который, кажется, знает всё на свете.

– Садись, Rx 360, я расскажу тебе сказку.

Мальчик взобрался в кресло, казавшееся ему огромным, как космический корабль, который он видел в мультфильмах. Вечерами, похожими на этот, когда взрослые занимались своими серьёзными делами, мальчик представлял себя капитаном Кресла. Он путешествовал по планетам, названия

которые выучил, а также выдумывал новые. Ещё ему очень нравился дедушкин камин. Наверное, во всём мире больше не осталось «живых» каминов, в которые нужно закладывать поленья и раздувать огонь длинной трубкой. Много ещё вещей нравилось мальчику, но он не осмеливался рассказывать об этом другим детям – они сочли бы его несерьёзным и не деловитым. Взрослые отвели бы к врачу, и только дедушка не стал бы осуждать его.

Дедушка раскрыл бумажную книжку с нарисованными картинками – тоже единственно уцелевшую в современном мире, как был убеждён мальчик, и прочитал:

– Жил-был кусок дерева. То было не какое-нибудь благородное дерево, а самое обыкновенное полено, из тех, которыми в зимнюю пору топят печи и камины, чтобы обогреть комнату. Не знаю уж, какими путями, но в один прекрасный день этот кусок дерева оказался в мастерской старого столяра. Старика звали мастер Антонио, но весь свет именовал его Мастер Вишня, так как кончик его носа был подобен спелой вишне – вечно блестящий и сизо-красный.

– Дедушка, я знаю эту сказку. Я слышал её много раз.

– Хорошая сказка, правда?

– Да, мне нравится.

– Она многим нравится, потому что в ней есть правда.

Укутываясь в плед, малыш, я расскажу тебе сказку. А ты просто послушай.

Дедушка сел в кресло напротив мальчика.

– Люди так любят считать себя особенными! Каждый кричит: «Я не такой, как все! Я особенный, посмотрите на меня!» – совсем как наш знакомый попугай у тёти Т-у 329, помнишь, всё время выкрикивает, что он хороший! Но всё это лишь обёртка, фантик. На самом деле люди боятся быть непохожими на других. Если они замечают кого-то, кто отличается от них, не одеждой, но самой своей сутью, они начинают его ненавидеть. Они чувствуют угрозу своим фантикам и делают всё возможное для того, чтобы человек перестал быть «не от мира сего», а стал «нормальным». Нормальным роботом.

– Роботом? – мальчик удивлённо раскрыл глаза.

– Да, Rx 360, роботом. С определённой заложенной программой, с ограниченными возможностями. Все мы роботы. Гудим, пока не сторит последняя микросхема. В процессе работы заменяем изношенные детали на новые, обновляем девайсы, хвастаемся друг перед другом: «Смотри, какие у меня крутые гаджеты!» А окружающие завидуют: «Вот это да! Хочу такие же!» и покупают такие же, потому что им сказали, что это модно, чтобы не дай бог никто не упрекнул: «Да ты не в тренде, чувак! Смени сервер!»

– А что же тот, который не как все?

– У него есть выбор. Он может сказать самому себе: «Наверное, они правы, наверное, надо быть такими, как они. Наверное, я – какая-то ошибка приложения». И он перезагружается. Всё, теперь он, как все, теперь он гонится за новыми

гаджетами, он добросовестно исполняет запросы пользователей. Счастлив ли он? Нет. А где ты видел счастливых роботов? У них не прошита такая программа по умолчанию.

Мальчик скинул с себя плед, слез с кресла. Подошёл ближе к камину.

В тишине комнаты тихо потрескивали дрова. В глазах мальчика отражался огонь, танцевавший на чёрных углях в сердце камина.

– Но быть роботом грустно, – еле слышно сказал мальчик.

– Да, малыш. Это не просто грустно. Это преступление. Но я не рассказал про второй возможный выбор. Залазь обратно в кресло.

Дедушка Nw 280.1 подождал, пока Rx 360 усядется в кресле, укутается в плед.

– Что-то ещё есть в этом мире, малыш. Что-то такое, о чём не могут поведать тебе твои родители, потому как сами толком не знают, что это такое. И я, признаться честно, в этом вопросе не учёный. Расскажу, как понимаю.

Nw 280.1 помолчал, наблюдая за тем, как горит огонь в камине.

– Это как электрическое поле. Минуту назад его ещё не было в комнате, но вот появляются нужные штуки – и появилось электричество. Теперь ты сколько угодно можешь говорить, что не может такого быть, что это всё выдумки. Но электрическое поле есть, оно просто находится в комнате. Чувствовать это поле, это нечто – это как нести в руке

горящий факел, когда идёшь по тёмным пещерам. Это нечто позволяет тебе делать что-то вопреки твоему программному обеспечению. Человек начинает функционировать будто бы сразу в двух измерениях одновременно. Вдруг открывается новый мир, о котором знает только он. Мир, в котором случается то, о чём другие могут только говорить, но чего сами никогда не получают. Человеку хочется улыбаться так, чтобы улыбался не только он сам, но и окружающие. Вдруг хочется делать абсурдные вещи, такие, которые когда-то было позволено делать детям. Окружающие начинают выказывать своё беспокойство: «Ты заработался, – говорят они. – Начинаешь подвисать, пойдёшь отдохни, а завтра снова станешь серьёзным и перестанешь, наконец, улыбаться! А то стыдно за тебя становится!» Это нечто, оно так робко. В любой момент оно может покинуть человека, отвергнутое им самим. Тогда внутри обнаруживается брешь, которую уже не залатаешь, не забьёшь модным хламом. Что-то будто ноет внутри, и ты не знаешь, как от этого избавиться. Ты не можешь больше просто выполнять обязанности.

– Что это, дедушка? – мальчик удивлённо потёр свои глаза и щёки.

– Я знал! – Nw 280.1 вскочил с кресла, осторожно коснулся самыми кончиками пальцев щеки мальчика. Следы чего-то невидимого и оттого ещё более ценного остались на руке Nw 280.1.

– Это слёзы, малыш. Это проявление чувств, а на них со-

временное общество повесило ярлык отрицания.

Nw 280.1 прошёлся по комнате, вернулся в своё кресло.

– Когда-то давно, скажу тебе по секрету, детям разрешалось плакать, разрешалось хулиганить. Детям позволяли отличаться от взрослых, позволяли чувствовать то самое загадочное нечто. Но потом люди решили, что слишком опасно позволять всё это ребёнку, ведь потом нужно ещё много лет затрачивать на то, чтобы перевоспитать человека, чтобы загнать его в общий вольер, отучить его делать что-либо ещё кроме работы. Приходилось каждый день по нескольку часов подряд заставлять ребёнка следовать строго определённым правилам, приходилось ежечасно загружать в его память большие объёмы отвлечённой информации для того, чтобы переключить его в нужный режим. Нужный для общины, конечно, не для него самого... Это был долгий путь. Решили сделать проще: наложили запрет на проявление чувств. Попробуй-ка теперь засмейся на виду у всех – подмоченная репутация гарантирована, сразу вешают осуждение: «Он несерьёзный», «Не рекомендую иметь с ним дела!»

– Ну, а как жить с этим нечто, если в обществе оно никому не нужно?

– О, ты правильно сказал «жить». Устаревшее, забытое слово, которое можно найти разве что в старых словарях. Именно это нечто и позволяет жить, а не только исправно работать!

NW 280.1 снова улыбнулся, тем самым уже в который раз за вечер нарушив правило хорошего тона современного общества.

– Расскажу тебе ещё одну сказку...

Посылка от Уильяма

Ранним утром к дверям Марселя доставили большую посылку от его друга Уильяма.

Уильям жил за чертой города, и в понимании городского обывателя был отшельником. В кругу друзей его по-доброму называли чокнутым. Уильям недолюбливал телефонные разговоры, и уж тем более, видеозвонки. Любил писать письма и читать ответные.

«Если ты читаешь это, меня уже нет», – плеснули в лицо первые строчки сопроводительного письма. В письме указывалось, что Марселю принадлежит то, что находится в коробке со льдом. «Это клад, который изменит твой собственный мир», – писал Уильям.

Посылка представляла собой прямоугольную коробку, сколоченную из досок, по краям дополнительно обитую досочками. Открыть её сразу не удалось.

После некоторых попыток отковырять прибитые доски, у Марселя появилось желание швырнуть коробку о стену, что, возможно, помогло бы её открытию.

– Кто так упаковывает посылки? Наверняка, сам Уильям, земля ему пухом.

Наконец, верхняя доска поддалась. Марсель заглянул внутрь и увидел овощи, какие-то продукты. Выложил их на стол. На дне посылки лежал куб льда, сквозь который

просвечивалась тушка курицы. Под ней оказалось ещё одно письмо, упакованное в целлофан. Марсель извлёк его и прочитал:

«Дорогой Марсель! Ты можешь не притрагиваться к тому, что находится в посылке, или попробовать и навсегда измениться. Я знаю, о чём говорю. Почему, ты думаешь, меня считают чокнутым? Я посылаю тебе курицу. Вегетарианцы забьют тебя камнями, а мясоеды съедят тебя живо, когда узнают кое-что о ней. Её зовут Клавдия. Она жила в просторном курятнике в своё удовольствие. Пушистым жёлтым цыплёнком гонялась по зелёной травке за бабочками-капустницами. Клевала выращенное естественным образом пшено. Гуляла по осеннему огороду, выкапывая из грядок вкусности, которые выбирала сама. Клавдию не кормили порошком, вызывающим ожирение и превращающим её мясо в яд. Я возился с Клавдией и её сородичами не потому что был вынужден делать это за гроши, а потому что мне нравится этим заниматься. Я люблю каждую свою животинку. Они родились у меня в доме для того, чтобы накормить меня, чтобы у меня появились силы сделать что-то хорошее для этого мира. И я благодарен им за это. Клавдия изменит твой взгляд на мир. Каким образом? Ты не поймёшь, пока не попробуешь. Я пробовал. И если тебе захочется написать о своих впечатлениях, пиши на указанный адрес. Я уже получил несколько писем от людей, которые мне дороги. Да, я не умер, это была шутка. Можешь написать и о своём воз-

мушениии тоже. Но курицу попробуй. Она бесподобна. Особые указания: варить её нужно в два раза дольше, чем ты привык варить химическую курицу. Ни в коем случае не используй приправу или соусы из супермаркета – не порти ни её тело, ни своё. Максимум, можешь добавить – соли и овощей. Вообще, эксперимент можно считать удавшимся, если ты на некоторое время откажешься от еды, которую предлагает тебе город. Особенно от приправ и соусов из супермаркета! Несколько дней ты сможешь продержаться на моей посылке. „Так мало еды!“ – воскликнешь ты. Но поверь мне, этого хватит. Клавдия творит чудеса. Твой друг Уилл».

– Чёртов сумасшедший.

Марсель оставил курицу размораживаться в раковине и отправился на работу.

Шагая по серой плитке узкого тротуара, рассчитанного строго на одного человека, Марсель о чём-то размышлял. Если бы его спросили о чём именно, он бы не нашёл что ответить. Мысли в голове роились всё время, но о чём они были – непонятно. Также с толку сбивал несмолкающий рёв проезжающего транспорта и реклама, орущая из динамиков на каждой автобусной остановке, перекрикивая одна другую.

«Интересно, деревья убавляли общий шум улицы или добавляли шуршанием листвы?» – пришла Марселю очередная незначительная мысль.

Когда-то в городе были деревья. Потом решили, что они зря занимают бесценное место. Деревья срубили, за счёт это-

го расширили парковки для машин и ещё больше сузили тротуар. Говорят, когда-то небо было синего цвета. И ещё росла трава. Зелёного цвета... Теперь в городе два типа цветных зданий: супермаркеты, полки которых пестрят яркой упаковкой еды, и бары, полки которых пестрят яркой упаковкой спиртного. Всё остальное – от асфальта до неба сливается в серую монохромную.

Марсель вошёл в серое высокое здание с прозрачными дверями.

«Так, выпить кофе и сконцентрироваться на работе», – была последняя его отвлечённая мысль после того, как он переступил порог офиса.

После окончания рабочего дня Марсель чувствовал себя потрёпанной тряпкой под ногами прохожих. Он возвращался домой обессиленный, без цели, без мечты. «Есть. Спать», – завис в его биокомпьютере вирус, который требовал выполнения озвученных условий, в противном случае грозил отключить весь механизм. Сегодня Марсель не был особенно уставшим – это было привычное состояние после каждого рабочего дня.

Из последних сил добрался до квартиры. Встал под душ. Вода смыла слой автомобильных выхлопов, и тело облегчённо вздохнуло всеми своими очищенными порами. Это придало немного сил, достаточных для того, чтобы дойти до кухни и приготовить поесть.

Марсель достал курицу из раковины, положил на стол. Птица из посылки отличается от той, которую он привык видеть в холодильнике супермаркета. Клавдия намного меньше и худощавее, цвет имеет неравномерный, на коже отсутствуют привычные следы от пресса со шприцами. При оттаивании с неё не стекает вода в количестве равном её весу. И пахнет она по-иному, ничего похожего на запах лекарств или затхлости, какие бывают у птицы из супермаркета.

Поставив курицу вариться, Марсель пошёл немного полежать. Тело после рабочего дня находится в вертикальном положении отказывалось. Мысли преобладали депрессивные, сил совершать лишних движений не было никаких. Впрочем, всё как обычно.

Марсель уже спал, когда раздался противный сигнал таймера, оповещающий о том, что плита отключилась. Повяло приятным ароматом. Тело, пробудившись, потребовало еды.

Марсель отрезал кусочек курицы. Жестковатая. Обычно курица из супермаркета, помещённая в горячую воду, быстро разваливается сама, её не нужно пережёвывать. Эту же приходится придавливать зубами. А вкус...

«Это невероятно!» – всё, что мог выдать мозг Марселя.

Марсель ел курицу, которую до этого никогда в своей жизни не ел. Птицу из супермаркета для того, чтобы она обрела вкус и запах, принято обсыпать горстью приправ, состоящих из усилителей вкуса «идентичных натуральному», как пишут на упаковках. Эта же курица обладает своим собствен-

ным вкусом, даже кожица у неё имеет вкус, её тоже нужно жевать, и на вкус она будто слегка обжаренная. К своему удивлению, Марсель очень быстро насытился, несколькими кусочками и чашкой бульона.

Спустя два часа, по ожиданиям Марселя, ему зверски должно было захотеться есть, ведь так действует вся еда из супермаркета. Но прошло уже пять часов, и только тогда Марсель вяло подумал о том, что, пожалуй, можно немного перекусить.

«Может, Клавдия действительно особенная?» – с какой-то внутренней улыбкой подумал он.

Овощи из посылки казались точно волшебными – каждый имел положенный ему вкус и запах. Укусив яблоко, Марсель отметил, что в комнате разлился яблочный аромат, которого никогда не бывает во фруктах из супермаркета. Помидор и огурец, когда Марсель их нарезал и присыпал солью, не утонули на дне миски в море выделившейся воды, и тоже имели вкус и аромат. Картофель при варке имел рассыпчатую структуру, вкус у него был такой, что его хотелось есть безо всяких усилителей вкуса.

Марсель будто пробовал еду с другой планеты, выращенной на другой Земле.

– Чёртов Уильям, что ты мне подсунул? – весело подначивал Марсель, готовый написать другу письмо.

Несколько дней подряд, следуя инструкциям Уильяма,

Марсель питался продуктами из посылки, избегая городской еды. Настроение его с каждым днём улучшалось, понемногу спадала хроническая депрессия и сонливость.

Впервые за долгие годы после работы Марсель решил немного прогуляться – он чувствовал, что у него появились на это силы. Что-то случилось и со зрением Марселя – он начал замечать цвета в городе. Слабые, еле различимые оттенки. Оказалось, что стены у некоторых зданий бледно жёлтого и розового цвета. Некоторые машины блекло-красноватые. А небо, если всматриваться в его серость, слабо отливает голубым. Впервые, идя по городу, Марселю хотелось улыбаться. Он знал, что прохожие из последних сил бредут домой для того, чтобы рухнуть в постель, и им не до улыбок. Из развлечений после работы – сходить в бар или посмотреть фильм. И так каждый день.

«Может, так не должно быть?» – подумал Марсель. Вспомнились глупые сказки о том, что когда-то люди жили иначе, были радостными и у них были безумные мечты.

Вернувшись с прогулки, Марсель бросился писать Уильяму.

«Уилл, ты чокнутый!» – начал Марсель и по мере написания приходил к выводу, что по мнению окружающих, становится таким же. Письмо, спустя некоторое время, стало походить на дневник сумасшедшего, отказавшегося от химической еды. Больше всего Марселя мучил вопрос: что делать дальше?

В нетерпении он отложил тетрадь в сторону и набрал телефонный номер.

После длинных гудков Уильям ответил:

– Алло.

Ждун

И вот я здесь. Сижу то там, то здесь, в шумных стенах города. Машины гудят, снег сыплет, сугробы растут, тают и леденеют снова. Земля крутится, люди непрерывно что-то делают и куда-то спешат. Предо мною жизнь, мечты и искушения, но я не увлекаюсь ими. Чем я увлекаюсь? А ничем. Мне ничего не охота в этом вечно холодном городе. Приходя домой, я провожу вечер перед монитором компьютера. Ни на что другое не остаётся ни сил, ни желания. Я жду лета – три месяца тепла, которые пролетят, как три дня, а потом оставшиеся девять месяцев в году снова буду ждать лета. И так из года в год. Больше я ничего не жду значительного. По мелочам, конечно, я каждый день жду, когда закончится рабочий день, жду выходных, в выходные опять чего-нибудь жду. Жду, когда наберётся вода в ванну, когда запищит микроволновка или стиральная машина. Жду очередь у кассы или где-нибудь ещё, жду, когда автобус приедет на нужную мне остановку и так далее, и так далее. Иногда я жду, когда человек выйдет в сеть и ответит на моё «привет, как дела». С одной стороны, я постоянно что-то делаю, с другой, если не считать бытовые дела как значимые, я не делаю ничего. Кто-то нарисовал меня и назвал Ждун. Теперь в соцсетях я суперпопулярный герой, который не совершал и, скорее всего, не способен совершить что-либо героическое. Я – отра-

жение среднестатистического жителя своего города. Наверное, печально. Но я не имею ни смелости, ни возможности что-либо изменить. В какой-то момент времени моя жизнь раскололась надвое: на то, как было раньше и теперь. Раньше, конечно, было лучше. Теперь... я Ждун.

Впредь

Мы не переписывались в течение рабочего дня, потому что... что я буду отвлекать его от работы!

Мы не повторяли друг другу «люблю» по сто раз, потому что... он не умеет говорить нежности, он же сказал один раз, и если ситуация изменится, он об этом скажет.

Мы редко гуляли, потому что... лень выходить из дома, когда под боком монитор с фильмами.

Мы не отмечали годовщину знакомства, потому что... все эти розовые рюшки для подростков, а мы взрослые люди.

Мы не хранили фотографии, потому что... а зачем они нужны, мы ведь сейчас здесь, а фото – это уже прошлое.

Мы не устраивали друг другу истерик, потому что... мы взрослые люди, и умеем разбираться со своими эмоциями самостоятельно.

Мы не говорили о моих увлечениях, потому что... у него другие интересы и мне они тоже непонятны, но всё-таки мы вместе.

Обсуждая абстрактные вещи, он убеждал меня в том, что моё мнение не правильное, а я понемногу привыкала к тому, что он – не на моей стороне.

Когда я сказала, что уйду, он не стал плакать при мне, потому что... он же сильный. Он держался достойно.

Впредь

Не делайте так.

Обнимающие деревья

Существует такое выражение о людях, особо чувствующих растения. Они могут обнять дерево или коснуться зелёной ветки и чувствовать, как дерево откликается дружелюбием. Дерево не мыслит таким образом, как привыкли это делать мы, но мы можем чувствовать похожие с нами «энергии». Обнять дерево – это не то же самое, что обнять бетонный столб или здание. Обнимающие деревья чувствуют разницу между мёртвым предметом и живым организмом, поэтому они равнодушны к зданиям в городе и восторгаются одуванчику на газоне. Они могут подойти потрогать жёлтую бахрому, покрытую пыльцой и пахнущую мёдом. Они чувствуют одуванчик, саму его живость. Или листик дерева, цветка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.